

КОЛЛИЗИОННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕДИАТИВНЫХ СОГЛАШЕНИЙ С ИНОСТРАННЫМ ЭЛЕМЕНТОМ

Е. Д. Василевич

Медиативное соглашение, заключённое с иностранным элементом, в случае возникновения спора из такого соглашения или в связи с ним, неизбежно ставит перед сторонами вопрос о выборе применимого права. Этот аспект имеет принципиальное значение, поскольку от этого выбора может зависеть, будет ли соглашение впоследствии исполнено.

В трансграничных правоотношениях особую роль играет принцип автономии воли сторон, *lex voluntatis*, предоставляющий участникам возможность самостоятельно определить право, регулирующее их соглашение. Приоритет этой коллизионной нормы содержится в Сингапурской конвенции и излагается в статье 5(1)(b)(i) соответственно: «по закону, которому стороны правомерно его подчинили», или, если отсутствует указание на выбор права сторонами – «по закону, который сочтет применимым компетентный орган Участника Конвенции» (как правило, его государственный суд).

В случае, если стороны не выбрали право, применимое к их соглашению (на практике, такое происходит довольно часто), или же выбранное ими право противоречит императивным нормам или публичному порядку, то применяется вторая часть нормы, содержащейся в статье 5(1)(b)(i) Сингапурской конвенции. В такой ситуации суд, рассматривающий вопрос об исполнении, должен использовать «право, которое сочтет применимым». Однако статья 5(1)(b)(i) не содержит дальнейших указаний о том, как именно суд должен подходить к определению применимого права.

В связи с этим в научной литературе представлены различные подходы к определению права, подлежащего применению к медиативным соглашениям с иностранным элементом, заключённым в контексте трансграничных правоотношений.

В некоторых случаях вполне уместным может считаться использование привязки *lex loci contractus* – право места заключения медиативного соглашения. Исходит это, в частности, из предположения, что стороны, заключая соглашение в определённой юрисдикции, могут разумно учитывать её правовой режим и тем самым выражать согласие на его применение. Однако данная презумпция не всегда соответствует действительности.

Дело в том, что на практике место заключения договора зачастую не связано с предметом или содержанием правоотношения. Оно может быть выбрано исключительно из соображений удобства, не имея при этом реального значения для правоотношений между сторонами. Более того, в условиях цифровой экономики заключение договоров всё чаще осуществляется дистанционно – посредством электронной почты, онлайн-платформ или иных средств связи.

Таким образом, обращение к праву места заключения соглашения в качестве коллизионной привязки может привести к произвольному выбору применимого права, не соответствующему ожиданиям сторон и объективной связи правоотношения с правопорядком.

Ещё одним возможным критерием для определения применимого права является *lex loci solutionis* – право места исполнения обязательства. В данном случае внимание сосредоточено не на том, где было заключено соглашение, а на том, где осуществляется его исполнение. Этот критерий может быть полезен в ситуациях, когда место исполнения представляет собой существенную связь между договором и соответствующим правопорядком.

Однако в контексте медиативных соглашений такой подход также сталкивается с рядом трудностей. Исполнение соглашения может включать как активные действия (к примеру, передача имущества), так и воздержание от действий (признание права другой стороны). Кроме того, обязательства по соглашению, как правило, принимаются обеими сторонами, а не одной, как в большинстве договоров. Таким образом, само исполнение может быть двусторонним, неопределённым по месту или даже нематериальным.

В связи с этим применение критерия места исполнения к медиативному соглашению не всегда оказывается возможным.

Следующий подход к определению применимого права к медиативному соглашению основывается на его производном (или акцессорном) характере. По своей сути, медиативное соглашение не является абсолютно независимым договором – оно всегда связано с ранее существовавшими между сторонами правоотношениями, будь то договорные обязательства или споры, вытекающие из иных оснований. Исходя из этого, представляется логичным применение к медиативному соглашению того же правопорядка, который регулирует предшествующее основное обязательство, из которого возник спор – *lex causae*.

Однако в тех случаях, когда медиативное соглашение не только уточняет или изменяет существующие обязательства, но и создает новые

правоотношения, его акцессорный характер ослабевает. Хотя соглашение по-прежнему связано с предшествующим спором, оно может в значительной степени перерасти в новое соглашение, регулирующее иные условия. В таком случае спор, возникающий из медиативного соглашения, может быть в большей степени связан с этими новыми отношениями, поэтому применение первоначально избранного права может оказаться необоснованным.

Альтернативным подходом к определению применимого права является *использование критерия места жительства стороны*, которая должна осуществить исполнение, имеющее решающее значение для содержания договора или так называемого «характерного исполнения договора».

Применение данного критерия к медиативному соглашению находит своё обоснование в самой природе такого соглашения. Основная его цель – урегулирование спора между сторонами. В типичной ситуации одна сторона отказывается от предъявленного ею требования, а другая предоставляет встречное удовлетворение – например, уплачивает денежную сумму или исполняет иное обязательство. В таком контексте характерным исполнением может считаться именно отказ от правового притязания, поскольку он составляет суть мирового урегулирования.

Судебная практика подтверждает обоснованность применения к последующему договору сторон того же права, которое регулировало основное правоотношение, по крайней мере их основной договор. В частности, часть 2 пункта 27 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2019 № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» прямо указывает на возможность установления подразумеваемого соглашения о применимом праве: «суд вправе прийти к выводу о наличии подразумеваемого соглашения о применимом праве при наличии тесной связи между двумя договорами с участием одних и тех же лиц, когда один из этих договоров содержит оговорку о применимом праве, а другой заключенный позднее договор такой оговорки не содержит». Это применимо и к медиативному соглашению, поскольку оно часто заключается в рамках спора из основного договора. Наличие тесной связи между соглашениями и позволяет суду обоснованно исходить из применения к медиативному соглашению того же права, что и к основному договору.

Тем не менее, в отдельных случаях обязательство по отказу от требований может быть взаимным – каждая из сторон уступает часть своих притязаний. В подобных ситуациях становится затруднительно

определить, какая именно сторона осуществляет характерное исполнение. Следовательно, данный критерий не всегда оказывается пригодным для использования.

В связи с этим многие авторы предлагают использовать критерий «наиболее тесной связи» (*closest and most real connection*). Применение данной коллизионной привязки к медиативному соглашению с иностранным элементом представляется вполне обоснованным, в том числе с учётом межотраслевой правовой природы такого соглашения.

Применение этого критерия предполагает анализ всех обстоятельств в совокупности, которые так или иначе связаны с заключением и исполнением мирового соглашения. Так, в их число могут входить:

- 1) предмет соглашения;
- 2) место проведения переговоров и место заключения соглашения;
- 3) государство, в котором должно быть исполнено основное обязательство по соглашению (*lex loci solutionis*);
- 4) место нахождения (резиденция, центр основной деятельности) сторон
- 5) иные обстоятельства, способные указывать на объективную связь соглашения с определённой правовой системой.

Таким образом, данный подход позволяет адаптироваться к конкретным обстоятельствам дела, обеспечивает как предсказуемость, так и гибкость, учитывая специфику каждого конкретного случая и служит реализации принципа юридической определённости.

Учитывая все вышеизложенное, безусловно, привязка *lex voluntatis* представляется наиболее предпочтительной, так как она даёт сторонам возможность учитывать свои интересы и обеспечить предсказуемость при разрешении споров. Однако в случае отсутствия договоренности сторон, применение *lex causae* представляется целесообразным, а в случаях сложных или смешанных споров правильным будет использование принципа наиболее тесной связи, так как это позволяет лучше учитывать конкретные обстоятельства дела.